

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 323.2

Миротворческая деятельность и концепция миростроительства

А. Ф. Нагайчук¹, Д. А. Абгаджав², А. И. Мусаев²

¹ Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, 21-я линия В.О., 2

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Нагайчук А. Ф., Абгаджав Д. А., Мусаев А. И.* Миротворческая деятельность и концепция миростроительства: от рассуждений к практической социально-политической технологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 444–458. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.307>

Проблематика войны и мира, примирения враждующих сторон, недопущения опасных и масштабных форм конфликтного противодействия в современном мире волнует всех — ученых, политических деятелей, общественность. Решением вопросов, связанных с миротворческой деятельностью, занимаются международные институты и организации, государства, общественные ассоциации и отдельные граждане. Поэтому миротворчество становится обширной и не только структурированной и институционализированной активностью, особенно на уровне межличностной и групповой коммуникации и взаимодействия. В современной конфликтологии слабо представлен системный междисциплинарный подход к миротворчеству и миростроительству. Именно на решение этой задачи и направлено данное исследование. В статье рассмотрены основные направления миротворческой деятельности, а также миростроительство с позиций конфликтологической парадигмы. В анализе используются комплексные (междисциплинарные) конфликтологические методы (институциональный и технологический аспект), а также общенаучные теоретические и прикладные методы исследования: поисковый анализ и синтез, обобщение, анализ документов. В результате предложена аналитическая конфликтологическая модель миротворчества и миростроительства в качестве социально-политической технологии, указаны ее основные структурные элементы и алгоритм воспроизводства. В итоге делаются выводы об основных социально-политических способах и технологиях изучения, анализа современных социально-политических конфликтов, их мирного урегулирования и оснований поддержания мира. Именно базовая идея миростроительства и миротворческой деятельно-

сти определяет как суть самой технологии, так и социальные последствия, к которым она приводит в механизме своего воспроизводства, укореняя определенные формы социального взаимодействия, направленные на поддержание мира взамен конфликтной парадигмы отношений.

Ключевые слова: миротворчество, миростроительство, урегулирование конфликта, социально-политическая технология, поддержание мира, традиционные ценности.

Блаженны миротворцы, ибо они будут
наречены сынами Божиими...

(Мф. 5:9)

Введение

Начиная эту статью эпиграфом из Евангелия, мы хотели бы обозначить проблематику, которая известна в истории человеческой мысли и практической деятельности уже несколько тысячелетий. Суть проблемы состоит в необходимости миротворчества, направленного на преодоление потенциала конфликта и его положительное урегулирование (примирение враждующих), с тем чтобы эта деятельность была эффективной и не наносила еще больший ущерб, связанный с обострением противоборства, как часто бывает в современной практике миротворчества. В качестве решения этой проблематики в Нагорной проповеди предложен вполне технологизированный механизм «Заповедей блаженства», в котором миротворчество является центральным звеном, учитывающим принцип детерминизма, когда явно указаны причинные связи оснований миротворчества и даны следствия этой деятельности для субъекта, ее осуществляющего. При этом миротворчество в данном контексте соответствует современному направлению усилий по миростроительству (peacebuilding). Алгоритм представляет собой своеобразное восхождение по ступеням, когда достижение следующего уровня возможно и напрямую зависит от преодоления предыдущего уровня: «Блаженны нищие духом... Блаженны плачущие... Блаженны кроткие... Блаженны алчущие и жаждущие правды... Блаженны милостивые... Блаженны чистые сердцем... Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду... Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков бывших прежде вас» (Мф. 5:3–12). Этот механизм явно указывает на необходимость серьезной подготовки к миротворчеству, смыслом которой являются освобождение от корыстных интересов у посредников-миротворцев, достижение понимания истины через очищение разума и освобождение от негативных эмоций, сопровождающих любой конфликт, стремление к истинному милосердию (желание миловать и прощать вместо наказаний и воздаяний «по справедливости», которая всегда субъективна). В истинном миротворчестве важна также готовность «пострадать за правду и благое дело», не ждать благодарности и выгоды. Такой образ истинного миротворца и миротворчества вполне соответствует традиционным ценностям российского общества, основанным на православной этике, и подтверждается современной практической деятельностью миротворческих сил России.

Тема миротворчества в широком ее восприятии, безусловно, связана с поддержанием мирных отношений на всех уровнях и во всех сферах человеческих от-

ношений — *внутриличностном уровне* (мир и гармония с самим собой, мирное устройство личности, то, что называют «мир в душе», соответствует заповеди о кротости для «наследия земли» (Мф. 5:5) — образ самообладания); *межличностном уровне* отношений (мир с близкими — «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним...» (Мф. 5:25)); *уровне взаимоотношений социальных групп*, общностей, институтов (мирные основания социального взаимодействия внутри общества, фундаментом которого становятся единство и сила — «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25)); *международном уровне* отношений (традиционное миротворчество и миростроительство, поддержание мира в регионе, а также на глобальном уровне, основанием которого служит прочное основание «дом... на камне... а не песке...» (Мф. 7:20–27), т. е. на истинной концепции, критерием выступают результаты: «всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (Мф. 7:17)).

Обзор литературы

Социальный и глобальный уровни миротворчества предполагают его рассмотрение в контексте проблемы войны и мира, которая анализируется с самых ранних этапов развития мировоззренческих парадигм (религия, философия) и науки. Эта значимая социально-политическая проблема имеет несколько направлений своего выражения — духовно-нравственное (господствует практически до Новейшего времени); практическое (актуализируется в Новое и Новейшее время); социально-технологическое (комбинирование духовно-содержательного и практического аспектов, актуализируется в XX в.). Проблематика моральных оснований войны и мира рассматривается в различных направлениях религиозной и философской мысли — христианской, гуманистической, реалистической и др.

В современной науке *духовно-нравственный аспект* войны и мира затрагивает такие направления, как политический реализм, милитаризм, пацифизм, теория справедливой войны и др. При этом даже реализм Г. Моргентау (Morgenthau), который практически отменяет морально-нравственные основания взаимодействия, заменяя их реальными национальными интересами, так или иначе прибегает к значимости неких моральных принципов, но скорее как «возможности действовать, в соответствии с ними, как с принципами, которые параллельны...» — по сути, речь идет о рациональной выгоде, и если действовать на основе моральных принципов выгодно, то «правители-реалисты могут имитировать моральное поведение» [1, с. 19–20]. Таким образом, в рамках политического реализма концепция войны и мира, а значит, и миротворческих усилий, полностью соотносится с определением специфики национальных интересов. Соответственно, если в интересах страны поддерживать мирные отношения с другими государствами, то они поддерживаются, так же как косвенным образом принимаются в расчет интересы «иностранцев». Но если концепция национальных интересов ведет к войне, то нет четких утверждений о том, что должна вестись нравственная или безнравственная война. В то же время сами миротворческие усилия также рассматриваются с позиции их соответствия/несоответствия (определенной выгоды) национальным интересам. Так, основани-

ем миротворчества в рамках политического реализма становится категория национальных интересов.

В рамках милитаризма война рассматривается с позиций не только бремени, но и пользы, поскольку способствует объединению нации, поэтому милитаристская концепция в меньшей степени склонна к развитию идеи миротворчества, если сравнивать ее с реализмом. В то время как пацифизм считает войну неправильным актом в моральном плане, поэтому предполагает духовное противостояние войне. Основное направление пацифизма характеризуется как «ненасильственное сопротивление», основанное на концепции «непротивления злу насилием» Л. Толстого. По сути, эта концепция искажает православную заповедь «не отвечай на зло злом, отвечай на зло добром», которая имеет совершенно иной смысл, хотя Р.Холмс (Holmes) различает пацифизм условный и абсолютный, а также указывает, что «война недопустима только в условиях и обстоятельствах определенного типа» [2, р. 114]. Стоит уточнить, что религиозный пацифизм имеет конфессиональную специфику интерпретации; так, например, протестантизм преимущественно интерпретирует заповеди христианства «о хранении мира», «не убий» и т. д. как прямой запрет на участие в военных действиях, в то время как ортодоксальное христианство не выступает так категорично, уточняя, что в мире есть разделение на «свет и тьму» и между ними идет борьба не только в сердцах человеческих, но и на поле брани. Сам Христос объявил: «...не мир принес Я, но меч...» (Мф. 10:34), которым будут разделяться люди по всей земле на основе их духовных различий и противоречий; как следствие этих противоречий: «...услышите о войнах и военных слухах... восстанет народ на народ и царство на царство... по причине умножения беззакония...» (Мф. 24:6–14). Здесь помимо духовных противоречий выделена категория «беззаконие», которое тоже есть грех, и это является базовой причиной немирных отношений. Все это создает основу для воплощения заповеди «блаженны миротворцы». Миротворческое блаженство выступает в качестве основания для мирного устройства духа внутри личности прежде всего, а также для примирения враждующих; а вражда была, есть и будет, поскольку ее порождает поразивший мир грех.

Таким образом, духовно-нравственное направление анализа миротворчества показывает, что данная концепция имеет различное содержательное направление в зависимости от подхода.

Второе направление — *практический подход* к анализу проблем войны и достижения, поддержания мира актуализируется в научной мысли К. фон Клаузевицем (C. von Clausewitz) в начале XIX в. [3]. Он выделил три основания войны: насилие, творчество стратегов и рациональность политиков, принимающих решения. Эти детерминанты создают прочную основу для формирования и осуществления вооруженного насилия и самой военной технологии, соответственно, разрушение этих оснований, недопущение их комбинации в конфигуративную модель, позволяет достигать миротворческих результатов и выстраивать миростроительную стратегию. А. Е. Снесарев пытается объединить эти два подхода (духовно-нравственный и практический) в «Философии войны». Монография написана в 20-х годах XX в. на основе личного опыта автора — военачальника дореволюционной России и ученого-энциклопедиста, начальника Генштаба Красной армии. Так начинается возникать третий, комплексный подход, который сегодня можно обозначить как конфликтологический, междисциплинарный, социально-технологический.

В рамках *комплексного подхода* основоположником концепции миротворчества вполне справедливо считают П. А. Сорокина, который основной причиной войн называет «несовместимые ценности во взаимодействии больших социальных групп» [4, с. 145], соответственно технология мирного урегулирования, а особенно миростроительная технология, предупреждающая конфликтный потенциал, должна быть направлена именно на согласование ценностей и ценностных ориентаций взаимодействующих социальных субъектов, особенно квазигрупп и национальных общностей. Технологии миротворчества и особенно миростроительства превращаются в социально-политическую квазитехнологию.

По мнению Н. С. Тимашева, основанием войн и международных конфликтов выступает комбинация трех основных факторов, которые вполне отражают основные категории конфликта (структурно-динамические характеристики), причем как объективные (сам конфликт в динамике, его объект и предмет; попытки урегулирования), так и субъективные (специфика восприятия): «...наличие серьезного конфликта между сторонами (государствами, например); наличие неудачных попыток разрешения конфликта мирным путем; наличие веры каждой стороны в свою победу» [5, с. 149]. Таким образом, практическое применение теоретического анализа оснований войн как наиболее опасных и масштабных форм социально-политических конфликтов позволяет рассуждать о специфике миротворчества и особенно миростроительства при нахождении технологизированного способа своего производства.

Наибольшую актуальность социально-технологический, комплексный подход в анализе причин войны и достижения мира приобретает уже во второй половине XX в. в результате Второй мировой войны и угрозы ядерной катастрофы в условиях холодной войны. Разработками основных направлений теоретической и практической миротворческой деятельности и миростроительства занимались П. А. Сорокин; К. Райт (Wright), Й. Галтунг¹ (Galtung), Дж. Бертон (Burton) и Э. Азар (Azar), Дж. Ледерах (Lederach) и многие другие. Особое внимание сегодня приобретает концепция Т. Шеллинга (Schelling) [6], которая используется в моделировании ситуаций и примирении.

Методы исследования

В сфере миростроительства как основного направления миротворческой деятельности наиважнейшее значение приобретают комплексные (междисциплинарные) методы исследования и анализа результатов. Конфликтологический подход, использующий институционально-технологические методы и приемы исследования и анализа конкретной конфликтной ситуации и построение технологии, урегулирующей конфликт, позволяет наилучшим образом выполнить эту цель. Как отмечает А. И. Стребков, «всякое завершение конфликта — это достижение мира

¹ Именно Галтунг вводит в научный оборот терминологию и основные направления деятельности по достижению и поддержанию мира: миротворчество (peacekeeping), миросоздание (peacemaking), миростроительство (peacebuilding); предлагает концепции насилия и позитивного мира, как основания для миротворческой деятельности (в условиях негативного мира) и для миростроительства (как основного направления деятельности по выстраиванию стратегии мирных основ взаимодействия в условиях позитивного мира).

между конфликтующими сторонами. Мир является результатом и конечной целью технологий урегулирования конфликта... Включение в предмет конфликтологии мирных способов взаимодействия, технологий сохранения и поддержания мира выдвигает конфликтологию на передний план социогуманитарного знания...» [7, с. 16–17]. Парадигма конфликтологии позволяет применять на практике одновременно научные методы исследования, такие как структурно-функциональный анализ (для выявления структурно-динамической модели любого конфликта), анализ-синтез, анализ документов, обобщение, классификация, так и научно-исследовательские методы, среди которых наибольшее значение приобретают метод и технология модерации. Комплексная технология модерации позволяет одновременно качественно осуществлять исследование и урегулирование конфликта, она включает в себя: «1) всестороннее глубинное исследование причин и структурно-динамической модели конфликтной ситуации; 2) регуляцию конфликта и применение допустимой в данной конкретной ситуации разрешительной методики; 3) комбинированную модель по типу “от исследования к регуляции” на основе выявленных формирующих эффектов согласования позиций сторон...» [8, с. 48]. Данная технология дает возможность проектировать алгоритм других социально-политических технологий в сфере выстраивания мирных стратегий.

Результаты

В начале XXI в. возрастающий интерес к проблематике войны и мира представляется вполне логичным в ситуации новой роли технологической составляющей в социальной реальности, особенно в эпоху цифрового транзита [9], а также резкого роста численности жертв новых войн, особенно среди мирного населения (см. табл.). Все это приводит к усилению внимания к миротворческой деятельности государств и международных организаций, а в условиях достаточно серьезной дискредитации миротворческих операций стран Запада (преимущественно миротворческий опыт США), когда Г. Мюнклер (Münkler) называет миротворческие операции «новой формой войны в XXI в.» [10], акцент внимания смещается в сторону миротворческих миссий в рамках миростроительства как ведущего направления миротворчества, ориентированного не только на восстановление мирных отношений, но и на предупреждение опасного противоборства. Именно миростроительство становится наиболее свойственным направлением деятельности в практике российских миротворческих усилий, что вполне объяснимо историческим опытом и традиционными ценностями российской цивилизационной модели, где мир лучше войны и, как наставлял игумен Никон (Воробьев), пусть лучше пострадает дело, но важнее мир с ближним сохранить.

В данных условиях актуальной становится деятельность, направленная на предупреждение потенциала масштабного конфликта, что может осуществляться только в рамках парадигмы миростроительства, направленной на предупреждение конфликта до момента его перехода в активную фазу противоборства и восстановление отношений после завершения конфронтации с активизацией миротворческих усилий на этапе конфликтного проявления взаимодействия. Ведущий представитель концепции конфликтопредупреждения (prevention of conflict) Дж. Бертон [11] выявляет основную особенность урегулирования конфликта — перевод взаимодействия в русло сотрудничества на основе общих ценностей, норм и правил

Таблица. Войны в истории человечества XVIII–XXI вв. и численность жертв²

№	Войны в истории человечества	Жертвы войн и вооруженных конфликтов
1	Войны XVIII в.	3 млн чел.
2	Войны XIX в.	5 млн чел.; 5 % — мирного населения, 95 % — военных
3	Войны XX в.:	Более 70 млн чел.
4	Первая мировая война	Более 10 млн чел.; 20 % — мирного населения, 80 % — военных
5	Вторая мировая война	Более 30 млн чел.; 52 % — мирного населения, 48 % — военных
6	Войны после Второй мировой; за последние 75 лет — более 250 войн и вооруженных конфликтов	По разным источникам от 30 до более 40 млн чел. Тенденция преобладания жертв среди мирного населения на рубеже XX–XXI вв. — 80 % мирных и 20 % среди военных. Пики беженцев до 60 млн чел.

поведения (что в принципе соответствует традиционному российскому подходу, основанному на концепции православной этики). При этом важным аспектом становятся выявление и устранение причин конфликта на ранних стадиях его зарождения, поскольку предупредить конфликт проще и конструктивнее, чем урегулировать его в ситуации активной конфронтации, поэтому можно констатировать ориентацию данного подхода на миростроительную стратегию в ее конфликтопредреждающем направлении.

Выбор технологии миротворчества или миростроительства осуществляется на основе концептуального подхода и целей миротворческой деятельности. В конфликтологии выделяют несколько регулятивных подходов к миротворчеству и миростроительству: 1) управление (conflict management), ориентировано на ограничение конфликта, не устраняет его причин; 2) соглашение (agreement) — на достижение соглашения путем переговоров; 3) регулирование (settlement) — на временное устранение конфликта; 4) разрешение (resolution) — на несилевое решение проблемы и достижение выигрыша для всех; 5) аналитическое решение проблемы (problem solving) — на трансформацию конфликтной ситуации с применением новых форм социально-политической организации; 6) трансформация (transforming) — на поиски прочных мирных отношений на основе поиска справедливости и милосердия; 7) примирение (conciliation) — на эффективное примирение, считая его духовным и эмоциональным процессом. Концептуально миротворческим технологиям (миротворчество в его узком понимании «поддержание мира» (peacekeeping)) соответствуют такие подходы регуляции, как менеджериальный, достижения соглашений, урегулирующий, частично разрешительный. Технологиям миростроительного подхода (peacebuilding) в большей степени соответствуют подходы: разрешительный, концепции аналитического решения проблемы, трансформации конфликта и примирения враждующих. На основании регулятивных подходов к миротворчеству

² Составлено по материалам изданий [12–15], а также электронного ресурса: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika/?action=shwprd&id=1630> (дата обращения: 16.01.2024).

может быть предложена миротворческая модель технологизации социально-политического взаимодействия.

Алгоритм действий по мирному урегулированию конфликтного взаимодействия может быть представлен в свернутом виде следующим образом:

— *Выявление оснований.* Изучение детерминант и причин конфликта с помощью разных методов в зависимости от уровня и сложности конфликта, а также согласование представлений сторон конфликта об истинных его причинах.

— *Анализ ситуации.* Анализ конфликта (его структурно-динамической модели, типологизации, специфики восприятия, соответствия типу и форме урегулирования, т. е. степени антагонизма сторон, внутренней логики и движущим силам; в данном аспекте вполне подходит синергетический подход, направленный на выявление способности к соработанию, конструктивному взаимодействию) с помощью мониторинга ситуации, модерации заинтересованных сторон и независимых экспертов — различные исследовательско-диагностические действия, осуществляемые специалистами по конфликтопредупреждению, урегулированию и разрешению.

— *Разработка технологии.* Принятие решения по выбору оптимальной технологии или разработка уникального способа миротворения на основе обсужденных принципов, моделирования по модели Л. Ричардсона (Richardson), методики GRIT Ч. Осгуда (Osgood) и др.

— *Оптимизация участия.* Сокращение количества участников конфликта с помощью проведения организационной перестановки, группирования сторон, дистанцирования и изолирования деструктивных участников, внедрения общих принципов, правил и норм взаимодействия.

— *Внедрение технологии миротворчества и миростроительства.* Применение комплекса элементов традиционных и альтернативных способов (ADR — alternative dispute resolution) мирного урегулирования, учитывая межкультурные особенности, специфику восприятия и традиции данной общности, территории (преимущественно с использованием подхода мультитрековой дипломатии Multi-Track Diplomacy, где каналами выступают не только правительственные, но и частные акторы, включая бизнес и торговлю, частных лиц, исследовательские центры, религиозные организации и средства массовой коммуникации и информации, активистов и т. д. [16, с. 154–155].

Анализ результатов

В итоге применения алгоритма возникает определенный тип решения проблемы в миротворческой технологии, достигается некий вариант соглашения. Это может быть соглашение, основанное на перемирии; соглашение по урегулированию; соглашение в рамках разрешения, оно преимущественно соответствует направлению «миростроительство». Наилучшим считается вариант поиска нового варианта решения проблемы, при нем кардинально меняются отношения вне рамок первоначального переговорного пространства, поэтому оно становится самым сложным для достижения, но вместе с тем и самым эффективным, соответствует технологии миростроительства. В данном случае важно согласовывать интересы и формировать единую систему базовых ценностей на основе предлагаемых концепций, кото-

рые имеют сегодня наибольшее распространение как в международной практике, так и в рамках специальной российской доктрины. Такими концепциями, актуализированными в современной практике выстраивания мирных взаимоотношений, являются следующие:

1. Созидательного альтруизма (П. Сорокин) [17], где свойственная традиционным российским ценностям идея альтруизации созидательного взаимодействия противопоставляется реципрокным и узкоэгоистичным стремлениям, свойственным либерально-капиталистическому миропорядку.

2. Трансформационного миростроительства и позитивного мира (Й. Галтунг, Дж. Ледерах и др.) [18], где закладывается фундамент прочного мира на основе выстраивания стратегий мирных отношений, базой которых является концепция «позитивного мира» взамен «негативного» и долгосрочного проектного социокультурного миростроительства не только на стадии восстановления отношений после конфликта, но и предупреждения опасных форм конфронтации. Здесь приветствуется многоуровневый подход с акцентом на множественность миротворческих ролей, долгосрочной перспективе и необходимости создавать соответствующую инфраструктуру конструктивного взаимодействия.

3. Политического реализма (Р. Арон) [19], где наибольшую актуальность для российской миростроительной практики приобретает концепция многополярного мира как политической реальности в современных условиях для реализации национальных общих интересов всех субъектов взаимодействия.

4. Всеобщего права Б. Рирдон (Reardon) [20], где мир понимается не просто как отсутствие насилия, но и как присутствие справедливости, достигаемой гражданами на основе собственных этических способностей, которые формируются в процессе обучения. По сути, речь идет об образовательной миростроительной миссии. Прочный мир выстраивается в процессе развития гражданских прав и умения ими пользоваться для достижения справедливого мира.

5. Христианских основ мирного сосуществования, особенно их ортодоксальная интерпретация, где наиболее значимы такие идеи: хранение мира с ближними и прощения «врагов»; воспрещение любых форм раздражения и гнева, побеждения «зла» «добром»; поиск истины и стремления к милосердию (именно стремление к правде, истине, а не достижению субъективной справедливости, желание мловать и прощать взамен мщения и наказанию); принятие решений «чистым сердцем» (ориентация на чистый разум, т. е. видение реальной картины, преобладание общих интересов над узкоэгоистичной корыстью, без лукавства и фальши); примирение на основе «заповедей блаженства».

В этой связи отметим, что анализу положительной роли религиозных концепций примирения и прощения в рамках процесса миростроительства посвящено немало исследований. Так, на примере миростроительного опыта христианско-мусульманских союзов в Индонезии показано, как религиозные акторы, дискурсы и идентичности внесли положительный вклад и увеличили шансы на примирение [21]. В другой статье можно обнаружить попытки оспорить стереотипные тезисы о том, что религия в большей степени провоцирует насилие и конфликт. Так, М. Шоур (Shore) в качестве примера такого процесса конфликто разрешения в рамках которого религия, в особенности христианство, сыграла центральную роль, приводит кэйс-стади религиозного конфликта в Южной Африке и работу «Ко-

миссии по примирению и установлению истины» [22]. Дж.Хэйнс (Haynes) в своем исследовании находит доводы в пользу того, что религия может играть весьма конструктивную роль в разрешении конфликтов [23]. По его мнению, религиозные организации и индивиды как носители религиозных идей могут стать важным инструментом разрешения конфликтов и миростроительства, обеспечивая раннее предупреждение конфликта, фасилитативные услуги после его возникновения и способствуя посредничеству и примирению. Проведенные автором кейс-стади при изучении опыта Мозамбика, Нигерии и Камбоджи демонстрируют отчасти успешные попытки примирить ранее враждовавшие общины и достичь большей социальной сплоченности [23]. В контексте исследования проблем миростроительства можно встретить и выводы о том, что в отношении конфликтов, требующих применения дипломатических стратегий второго трека, концепция прощения в деле достижения примирения может быть особенно действенна. Как отмечает И. Ауэрбах (Auerbach), прощение как религиозная концепция является необходимым (хотя и недостаточным) условием для достижения примирения в конфликтах идентичностей. В той мере, в какой стороны конфликта разделяют схожие религиозные убеждения относительно центральной роли и природы прощения, религия будет способствовать примирению. Но если соперники придерживаются разных (не говоря уже о противоречащих друг другу) принципов относительно прощения, религия может помешать процессу примирения. Христианство, культивируя милосердие и любовь, учит своих последователей просить и даровать прощение без предварительных условий [24].

6. Концепция миростроительства в современной России на основе сохранения традиционных ценностей (Указ Президента РФ от 09.11.2022). Концептуальным основанием для миростроительства в России становится укрепление традиционных ценностей, понимаемых как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России... Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию...»³, что вполне соответствует подходу классиков теории миротворчества и миростроительства о значимости единства ценностей в процессе выстраивания стратегии мирного сосуществования, направленного на защиту и развитие человеческого потенциала, с одной стороны, христианским заповедям мирных отношений — с другой стороны. Кроме того, в данном документе достаточно четко прописаны критерии деструктивной идеологии: «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи»⁴. Деструктивная идеология прямо ведет к нарушению единства общества, формирует конфликтотенный потенциал и создает риски разрушения общества. Таким образом, данный документ определяет концептуальные основы миростроительной технологии в России на основе укрепления

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ Там же.

единых духовно-нравственных ценностей, свойственных традициям российской цивилизации, и противодействия деструктивным и противоестественным ценностям и нормам взаимодействия в обществе.

Стоит отметить, что российская миростроительная технология вполне соответствует международным нормам права. Бывший генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали (Boutros-Ghali) предложил следующее определение миростроительства: «...миростроительство — это действия по выявлению и поддержке структур, которые содействуют укреплению и упрочению мира в целях предотвращения возобновления конфликта и вселяют населению чувство уверенности и благополучия» [25]. По сути, концепция миростроительства может превращаться, по мнению Бутроса-Гали, на практике в формирование новой среды отношений основных субъектов взаимодействия в сфере социально-политической, социально-экономической и социокультурной практик.

Заключение

Подводя итог, стоит обратить внимание на первостепенную значимость идей в общей структуре технологии поддержания мира и миростроительства, поскольку именно от них напрямую зависит специфика алгоритма и механизма технологии. Базовая идея миростроительства и миротворческой деятельности определяет и суть самой технологии, и те социальные последствия, к которым она приводит в механизме своего воспроизводства, социализируя и институционализируя определенные формы социального взаимодействия, направленные на поддержание мира взамен конфликтной парадигме отношений на всех уровнях. В общем, эту закономерность можно выразить евангельской цитатой: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). При этом стоит учитывать, что человеческие интересы, стремления и ожидания вполне изменчивы, во многом определяются конкретно-историческим контекстом и типом общества: «Сам способ существования человека... делает человека определенной “книгой”, текст которой быстрее или медленнее, но постоянно меняется» [26, с. 68]. Верным будет признать утверждение о том, что времена меняются, но важные базовые принципы, ценности и критерии «добра» и «зла» остаются прежними, истина неизменна: «Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же» (Евр. 13:8), «...небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут» (Мф. 24:35).

Социальная наука и практика социокультурного и социально-политического взаимодействия на современном этапе имеют достаточно богатый арсенал технологических способов воздействия на формы конфликтного взаимодействия и потенциал конфликта в различных сферах отношений. Выбор направления зависит от интереса управляющего субъекта, включая политическое пространство. Это могут быть технологии и способы урегулирования, разрешения и предупреждения конфликта, направленные на поддержание и достижение мира и согласия, или управленческие способы воздействия, имеющие разнонаправленный характер, что позволяет при необходимости не только улаживать и завершать конфликт, но и провоцировать, стимулировать и обострять конфликтное взаимодействие. По сфере и механизму воспроизводства это могут быть информационные, коммуникационные, организационные, социально-психологические, миротворческие, кон-

фликтологические, правовые и иные способы. В любом случае важно учитывать синергетический эффект нелинейности и взаимного влияния внешнего и внутреннего факторов, а кроме того, фактор взаимного доверия (не только институционального, но и деперсонифицированного, персонифицированного (личностного)), что может значительно влиять на специфику восприятия идей как обострения конфликта, так и воспроизводства мирных стратегий во всех сферах и на всех уровнях взаимодействия.

Поэтому наиболее жизнеспособной технологией выстраивания мирных форм взаимодействия в долгосрочной перспективе становится социально-политическая технология миростроительства, основанная на концепции единства базовых ценностей, традиционных для конкретного типа общества и определенного мировоззрения, что связано с основными категориями национальной идентичности по типу социокультурного пространства. Именно миростроительство становится основным инструментом национальной политики современной России, формируя идейный каркас и структуру технологии выстраивания прочных стратегий мирного взаимодействия различных субъектов взаимодействия на всех уровнях и во всех сферах отношений.

Литература

1. Коппитерс, Б., Фоушин, Н. и Апресян, Р. (ред.) (2004), *Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры*, под. общ. ред. Коппитерса, Б., М.: Гардарики.
2. Holmes, R. (ed.) (1990), *Non-violence in Theory and Practice*, Belmont: Wadsworth Publishing Company.
3. Клаузевиц, К. фон (2023), *О войне*, М.: Язуа.
4. Сорокин, П. (1993), Причины войны и условия мира, *Социологические исследования*, № 12, с. 140–148.
5. Тимашев, Н. (1993), Как возникают войны, *Социологические исследования*, № 12, с. 148–152.
6. Шеллинг, Т. (2020), *Стратегия конфликта*, М.: Социум.
7. Стребков, А. И. (2016), Предисловие к учебнику, в: *Медиация*, СПб.: Ред. журн. «Третейский суд»; М.: Статут, с. 5–19.
8. Нагайчук, А. Ф. (2022), Технология модерации в урегулировании конфликта: структура и алгоритм, *Психологический журнал*, № 3, с. 46–56.
9. Шестакова, И. Г. (2022), Новая роль технологической составляющей в социальной реальности эпохи цифрового транзита, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 38, вып. 2, с. 242–253.
10. Мюнклер, Г. (2003), Войны XXI века, *Международный журнал Красного Креста*, № 849, с. 7–24.
11. Бертон, Д. (2002), О конфликтах и сотрудничестве в мировом обществе, в: *Теория международных отношений: хрестоматия*, М.: Гардарики, с. 349–352.
12. Тоффлер, Э. (2005), *Война и антивоина*, М.: АСТ.
13. Никитин, А. И. (2017), *Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование*. М.: Аспект Пресс.
14. Барановский, В. Г. и Богатуров, А. Д. (отв. ред.) (2010), *Современные глобальные проблемы*, М.: Аспект Пресс.
15. Калдор, М. (2016), *Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху*, М.: Изд-во Института Гайдара.
16. Ибрагимов, К. А. (2017), Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НТП и инноваций, *Вестник МГИМО-Университета*, № 5, с. 151–168.
17. Sorokin, P. A. (2002), *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Technique of Moral Transformation*, Philadelphia: Templeton Foundation Press.
18. Ледерах, Д. П. (2019), *Построение мира. Устойчивое примирение в разделенных обществах*, Киев: Дух и литера.

19. Арон, Р. (2000), *Мир и война между народами*, М.: Nota Bene.
20. Рирдон, Б. и Снауверт, Д. (2022), *Диалог о мире как наличии справедливости: этическое обоснование как основная цель обучения в области воспитания в духе мира*. URL: <https://www.peace-ed-campaign.org/ru/reardon-snauwaert-dialogue-1/> (дата обращения: 09.02.2024).
21. Al Qurtuby, S. (2013), Peacebuilding in Indonesia: Christian-Muslim Alliances in Ambon Island, *Islam and Christian-Muslim Relations*, vol. 24, iss. 3, pp. 349–367.
22. Shore, M. (2008), *Christianity and Justice in the South African Truth and Reconciliation Commission: A Case Study in Religious Conflict Resolution*, *Political Theology*, vol. 9, iss. 2, pp. 161–178.
23. Haynes, J. (2009), Conflict, Conflict Resolution and Peace-Building: The Role of Religion in Mozambique, Nigeria and Cambodia, *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 47, iss. 1, pp. 52–75.
24. Auerbach, Ye. (2005), Forgiveness and Reconciliation: The Religious Dimension, *Terrorism and Political Violence*, vol. 17, iss. 3, pp. 469–485.
25. Бутрос-Гали, Б. (1992), *Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира*. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org/securitycouncil/files/89-92_08_agenda_peace.pdf (дата обращения: 10.02.2024).
26. Дорофеев, Д. Ю. (2023), Человек как визуальное сообщение: семиотика и эстетика человеческого образа, *ПРАΞΗΜΑ*, № 1 (35), с. 48–77.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2023 г.;
рекомендована к печати 2 июля 2024 г.

Контактная информация:

Нагайчук Андрей Федорович — канд. социол. наук, ст. преп.;
<https://orcid.org/0009-0004-4849-4860>, nagaychuk_af@pers.spmi.ru
Абаджавва Даур Арнольдович — канд. социол. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0003-1055-6216>, d.abgadzhave@spbu.ru
Мусаев Абдурашид Идрисович — канд. полит. наук;
<https://orcid.org/0000-0002-7964-2764>, rashidmuss@yandex.ru

Peacekeeping and the Concept of Peacebuilding

A. F. Nagaichuk¹, D. A. Abgadshava², A. I. Musaev²

¹ St. Petersburg Mining University,
2, 21-ya liniya V. O., St. Petersburg, 199106, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Nagaichuk A. F., Abgadshava D. A., Musaev A. I. Peacekeeping and the Concept of Peacebuilding. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 3, pp. 444–458. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.307> (In Russian)

The problems of war and peace, reconciliation of the warring parties, and the prevention of dangerous and large-scale forms of conflict resistance in the modern world are of concern to everyone: scholars, politicians, and the public. International institutions and organizations, states, public associations, and individual citizens are engaged in solving issues related to peacekeeping activities. Therefore, peacemaking is becoming an extensive and not only structured and institutionalized activity. A systematic interdisciplinary approach to peacemaking and peacebuilding is poorly represented in modern conflictology. This study is aimed at solving this problem. The article examines the main directions of peacekeeping activities, as well as peacebuilding from the standpoint of the conflictological paradigm. The analysis uses complex (interdisciplinary) conflictological methods (institutional and technological analysis), as well as general theoretical and applied research methods: search analysis and synthesis,

generalization, document analysis, classification, and moderation. As a result, an analytical conflictological model of peacemaking and peacebuilding as a socio-political technology is proposed. It is the basic idea of peacebuilding that defines both the essence of the technology itself and the social consequences to which it leads in the mechanism of its reproduction, rooting certain forms of social interaction aimed at maintaining peace instead of the conflict paradigm of relations.

Keywords: peacemaking, peacebuilding, settlement, socio-political technology, peacekeeping, traditional values.

References

1. Coppiters, B., Foushin, N. and Apresyan, R. (2004), *Moral limitations of war: Problems and examples*, ed. by Coppiters, B., Moscow: Gardariki Publ. (In Russian)
2. Holmes, R. (ed.) (1990), *Non-violence in Theory and Practice*, Belmont: Wadsworth Publishing Company.
3. Clausewitz, K. von (2023), *On the War*, Moscow: Iauza Publ. (In Russian)
4. Sorokin, P. (1993), The causes of war and the conditions of peace, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 140–148. (In Russian)
5. Timashev, N. (1993), How wars arise, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 148–152. (In Russian)
6. Schelling, T. (2020), *Conflict Strategy*, Moscow: Sotsium Publ. (In Russian)
7. Strebkov, A. I. (2016), Preface to the textbook, in: *Meditatsia*, St. Petersburg: Redaktsiia zhurnala “Treteiskii sud” Publ.; Moscow: Statut Publ, pp. 5–19. (In Russian)
8. Nagaichuk A. F. (2022), Technology of moderation in the conflict settlement: Structure and algorithm, *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 46–56. <https://doi.org/10.31857/S020595920020495-0> (In Russian)
9. Shestakova, I. G. (2022), The new role of the technological component in the social reality of the era of digital transit, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 38, iss. 2, pp. 242–253. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.208> (In Russian)
10. Muncler, G. (2003), War of the 21st century, *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*, no. 849, pp. 7–24. (In Russian)
11. Burton, D. (2002), *On conflicts and cooperation in world society, in the Theory of International Relations: textbook*, Moscow: Gardariki Publ., pp. 349–352. (In Russian)
12. Toffler, A. (2005), *War and Anti-War*, Moscow: AST Publ. (In Russian)
13. Nikitin, A. I. (2017), *International conflicts: intervention, peacekeeping, settlement*, Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
14. Baranovskii, V. G. and Bogaturov, A. D. (ed.-in-chief) (2010), *Modern global problems*, Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
15. Kaldor, M. (2016), *New and old wars: Organised violence in a global era*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ. (In Russian)
16. Ibragimova, K. A. (2017), Scientific diplomacy and EU framework programs as instruments of interaction in the field of scientific research and innovation, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 5, pp. 151–168. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168> (In Russian)
17. Sorokin, P. A. (2002), *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Technique of Moral Transformation*, Philadelphia: Templeton Foundation Press.
18. Lederakh, D. P. (2019), *Building the world. Sustainable reconciliation in Divided Societies*, Kiev: Dukh i litera Publ. (In Russian)
19. Aron, R. (2000), *Peace and war between nations*, Moscow: Nota Bene Publ. (In Russian)
20. Reardon, B. and Snauvert, D. (2022), *Dialogue about peace as the presence of justice: ethical justification as the main goal of education in the field of peace education*. Available at: <https://www.peace-ed-campaign.org/ru/reardon-snauwaert-dialogue-1> (accessed: 02.02.2024). (In Russian)
21. Al Qurtuby, S. (2013), Peacebuilding in Indonesia: Christian-Muslim Alliances in Ambon Island, *Islam and Christian-Muslim Relations*, vol. 24, iss. 3, pp. 349–367. <https://doi.org/10.1080/09596410.2013.785091>
22. Shore, M. (2008), *Christianity and Justice in the South African Truth and Reconciliation Commission: A Case Study in Religious Conflict Resolution*, *Political Theology*, vol. 9, iss. 2, pp. 161–178. <https://doi.org/10.1558/ptoh.v9i2.161>

23. Haynes, J. (2009), Conflict, Conflict Resolution and Peace-Building: The Role of Religion in Mozambique, Nigeria and Cambodia, *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 47, iss. 1, pp. 52–75. <https://doi.org/10.1080/14662040802659033>
24. Auerbach, Ye. (2005), *Forgiveness and Reconciliation: The Religious Dimension*, Terrorism and Political Violence, vol. 17, iss. 3, pp. 469–485/ <https://doi.org/10.1080/09546550590929174>
25. Boutros-Ghali, B. (1992), *An agenda for Peace: Preventive diplomacy, peacemaking and peacekeeping*. Available at: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/89-92_08_agenda_peace.pdf / (accessed: 09.02.2024). (In Russian)
26. Dorofeev, D. Yu. (2023), Man as a visual message: semiotics and aesthetics of the human image, *Praksema*, no. 1 (35), pp. 48–77. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-1-48-77> (In Russian)

Received: March 17, 2023

Accepted: July 2, 2024

Authors' information:

Andrei F. Nagaichuk — PhD in Sociology, Senior Lecturer;
<https://orcid.org/0009-0004-4849-4860>, nagaychuk_af@pers.spmi.ru
Daur A. Abgadshava — PhD in Sociology, Associate Professor,
<https://orcid.org/0000-0003-1055-6216>, d.abgadzava@spbu.ru
Abdurashid I. Musaev — PhD in Political Sciences;
<https://orcid.org/0000-0002-7964-2764>, rashidmuss@yandex.ru